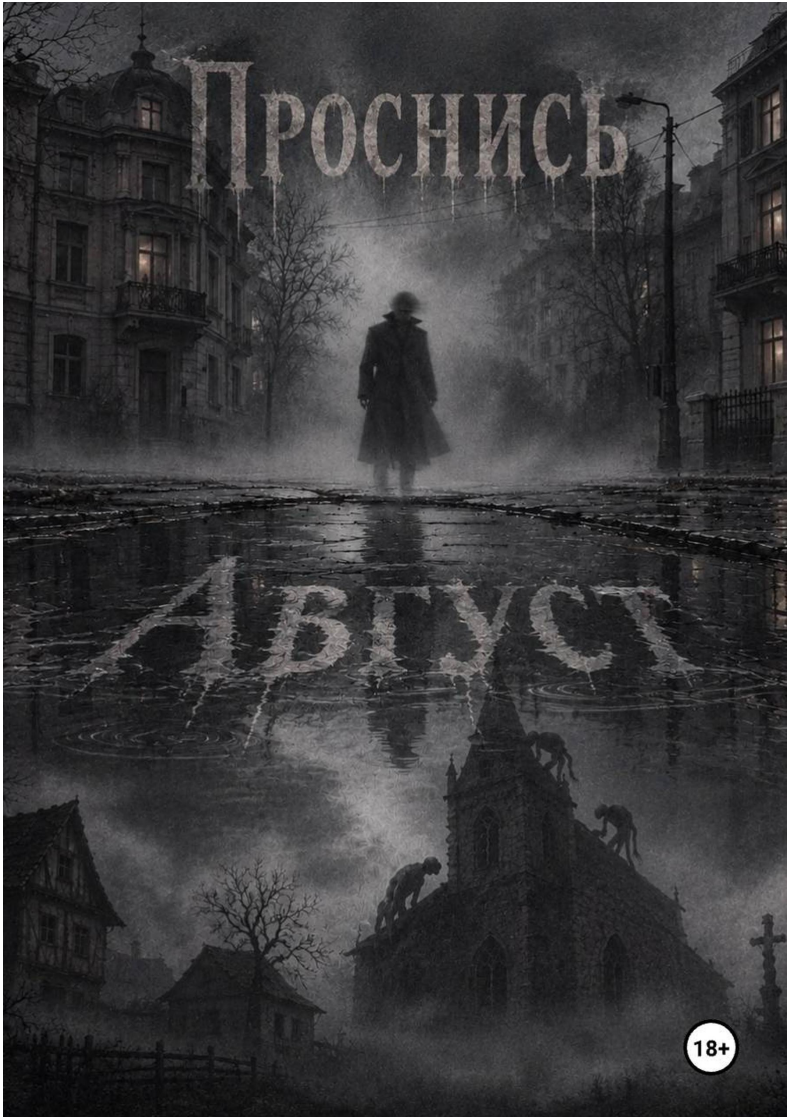
Проснись
Август
18+

Никита Азаров
Проснись, Август

https://litres.ru/74979933
SelfPub; 2026

Аннотация

Велмонт, 2005 год. Августу семнадцать, и он почти не спит с тех пор, как пять лет назад пережил кому. Врачи говорят: нервы. Мать говорит: таблетки. А по ночам он попадает в город, которого нет: газовые фонари, тёплый дождь, три фигуры на перекрёстке, у одной вместо лица бумага.

Днём всё обычное: школа, где его считают чокнутым, мать, которая слишком старательно делает вид, что всё хорошо, и доктор с черепом на полке. Однажды на дороге Август слышит в голове голос, которого нет, и делает то, чего сам не понимает. На перекрёстке гибнут люди — и человек в длинном пальто без лица перестаёт быть сном.

Он идёт к девочке, чей брат погиб там же четыре года назад. Август ищет, кто он, и ему всё меньше верится в доктора, в мать и в собственный рассудок. Ясно одно: двенадцать дней, выпавших из его памяти, он провёл не в больнице.

Мистический триллер о городе, где сны оставляют следы, и о том, что иногда самое страшное в зеркале.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Череп	6
Глава 2. Голос	19
Глава 3. Утро после аварии.	27
Глава 4. Дорога домой.	37
Глава 5. Первый сон.	45
Глава 6. Улица.	56
Глава 7. Библиотека	70
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Проснись, Август

Проснись, Август

Пролог

Какого-то чёрта я был весь мокрый. Не помню, чтобы я жаловался на жару. Особенно осенью, с открытым окном. Я слышал, как мама с утра пораньше гремит посудой где-то на кухне. Дело обычное. Самое странное — это тревога, и она не отпускала.

Чтобы успокоить тело, я закрывал глаза, и каждый раз видел отпечаток: цветное пятно, которое остаётся, если взглянуть на солнце. Только в нём — силуэты. Три непонятные фигуры на фоне яркого света. Единственное, что было неизменным, — кровь на подушке. К ней я привык.

Глава 1. Череп

Сон — лучшее лекарство. Он успокаивает, отодвигая все заботы на будущее, даёт отдых, восстанавливает силы. Но одновременно сон — злейший враг в момент опасности, когда требуется полная мобилизация всех способностей. Он убаюкивает, когда надо бодрствовать, нашептывает успокаивающие глупости, когда надо смотреть в оба.

Алджернон Блэквуд

Утро было ненастным. Небо серое, по стеклу ползли капли. В комнате было не светлее, чем ночью. Хороший день, чтобы никуда не выходить, — и именно в такой меня и везли. Пока я валялся в кровати, мои одноклассники уже тащились в школу или стояли за углом с сигаретой, чтобы успеть до звонка. Вчера мама объявила, что я плохо себя чувствую и в школу не пойду. Она всегда это говорила, если у меня назначен приём. Я весь вечер ломал голову над тем, как заболеть по-настоящему. Ничего не вышло. Уж лучше школа, чем доктор.

Один его кабинет чего стоил. Стены в книгах. На полках чучела, разрезы мозга в банках и приборы, которым я не знал названия. Всё это, наверное, должно было внушать уважение к науке, а внушало одно желание: не оставаться там одному.

Но больше всего мне запомнился череп. Меня пугало то, что я чувствовал, когда смотрел на него. Он словно смотрел в ответ, хоть глаз у него не было. И что-то мне подсказывало: уже давно.

Визит к доктору был для меня как поход в магазин. Ходим мы к нему давно, так ещё и часто. Я знал наизусть его лестницу, пятна на линолеуме и то, что лифт всё время ломается.

Мама уже была на кухне. А я, как всегда после почти бессонной ночи, рисовал комиксы.

В детективе — герое моих зарисовок, который расследует самые запутанные дела и ничего не боится, — я видел себя. Особыми умениями я не отличался. Разве что терпеть издёвки от одноклассников и прятать от матери синяки, чтобы не досталось ещё.

— Август! Спускайся!

Голос из кухни. Сердитый и громкий, каким пугают детей. Но я знал: мама не может сердиться на меня долго. Испуга я не почувствовал, и от этого стало немного совестно: она уже встала, что-то делает на кухне, а я лежу и жду, когда позовут ещё раз.

— Сейчас! Минуту!

— Спускайся живо, пока я не скормила твой завтрак Бэнго!

— Уже бегу! — крикнул я на лету. — Нечего кормить этого уродца, он и так нас объедает.

Бэнго — мой пёс. Вернее, был моим до какого-то момен-

та. Мама купила его, потому что я очень просил собаку, и мечту исполнила, только не так, как мне хотелось. Я просил большого и верного друга, а получил помесь таксы с чупакаброй. Пёс добрый, ласковый и чересчур уродливый. Он спал у моей двери, свернувшись так, что торчали рёбра, и при звуке шагов стучал хвостом по полу.

— Мы опаздываем на приём. Почему ты не разбудил меня, как я просила?!

Честно говоря, я надеялся, что она проспит всё утро и на приём мы не попадём. План не сработал. Оставалось хлопнуть себя по лбу и включить актёрское мастерство. Я даже сообразил лицо — виноватое, но не слишком.

— Блин, совсем забыл. Прости, ма. Я всю ночь над докладом сидел, вылетело из головы.

В действительности я даже не посмотрел тему. Собирался, но сначала искал ручку, потом пил воду, потом смотрел в окно, и день как-то кончился сам.

— Я тупая, по-твоему? Я в курсе, как тебе не нравится ездить к Кински. Мне тоже не по душе. Но без нового курса терапии и таблеток ты вовсе перестанешь спать.

То, что вызывают таблетки, сном не назовёшь. После них голова тяжёлая, во рту сухо, а по утрам на подушке остаётся кровь. Но мама права: без них я не засыпаю вовсе, хотя нуждаюсь в этом безумно. Настоящий сон я помню смутно. Знаю только, что после него просыпаешься, как после долгой дороги, — с чувством, что где-то был.

— Может, попробуем другого доктора? — с надеждой сказал я.

— Он единственный, кто хоть как-то пытается помочь и прописывает нужные лекарства. Он умнейший человек, которого я знаю.

— Но…

— Даже не спорь. Доедай, одевайся, я жду тебя в машине.

— Слушаюсь и повинуюсь.

Наконец-то я увидел теплоту в её глазах и улыбке. Это всегда меня успокаивало, как бы дурно я себя ни чувствовал. Мама умела быть строгой, но строгость её никогда не длилась долго. Она словно боялась собственного гнева, будто он мог разрушить что-то хрупкое между нами. Я давно заметил: когда она сердится, то через минуту уже ищет повод смягчиться — поправит полотенце на плече, отвернётся к плите. Иногда мне казалось, что она играет роль сильной матери. Играет старательно, будто боится, что если остановится, то рассыплется.

Ехать было не близко. Наш дом находится чуть дальше от шумного города. Но мне всегда нравился район, в котором мы обитаем. Хороший, и люди в нём милые, если не считать тех, с кем я учусь. Для них я «не такой».

— Август, что ты там снова рисуешь?

Я сам не заметил, как блокнот и ручка оказались у меня в руках, пока мы ехали.

— Да ничего особого. Пытаюсь изобразить что-то из того,

что я видел, пока спал.

— Ты видел сон? Тебе приснился сон? Настоящий?

— Да, вроде как, но я совсем его не помню. Вот и пытаюсь отобразить на бумаге. Получается не очень, как видишь.

На самом деле это не было сном. Но когда понимаешь, сколько усилий вложено в то, чтоб я мог быть как все, иногда приходится подыгрывать. Я делаю так не очень часто, но сегодня я провинился перед ней и хотел добавить немного радости в её день.

— Это просто прекрасно, родной. Быть может, через пару курсов тебе и не придётся больше принимать какие-либо лекарства.

Она нежно приобняла меня и помогла отстегнуть ремень безопасности. Мы уже прибыли на место.

Подъем по лестнице отнял немало сил. Лифт так и не починили с прошлого нашего приезда.

Доктор сидел в своей привычной манере, закинув обе ноги на стол. Весьма необычная привычка для человека его лет.

Разглядывая новую утреннюю газету, он не сразу увидел нас, так как его глаза были устремлены куда-то в нижний угол, где обычно помещают некролог. Слух его уже немного подводил, и стука двери он, похоже, не услышал.

Но как только это произошло, его рот растянулся в приятной улыбке, а в глазах что-то сверкнуло. Тем же мигом доктор стал выглядеть лет на десять моложе.

— Здравствуйте-здравствуйте. Я ждал вас немного рань-

ше. Честно признаться, стал думать, что вы совсем уже не удостоите меня чести вашим появлением.

Его уголки губ едва дернулись.

Самому Альберту Кински было уже порядком за семьдесят. Однако лицо и общий внешний вид этого никак не выдавали. Его манера говорить всегда раздражала, сколько я себя помню.

Человек был крайне приятной наружности, но страх перед ним засел у меня уже давно и никак не собирался отступать.

Дело даже не в личной неприязни. Просто мне всегда казалось, что для мозгоправа я лишь какая-то диковинка, в чьей голове можно было бы покопаться.

Нечто необычное и крайне интересное, с чем он ещё не сталкивался за годы своей практики. Некая игрушка, с которой так редко выходит поиграть.

— Извините, Альберт. На дорогах жуткая пробка из-за дождя. По радио передавали, что к вечеру может стать ещё хуже. Не знаю, как будем назад добираться.

— Ничего. Сегодня я всё равно больше никого не ждал. Не приди вы, я бы уже уехал.

Доктор бросил грустный взгляд на улицу за окном и слегка помрачнел.

— Ваша правда. В такую погоду лучше быть дома, в тепле.

Конечно же, мама решила не говорить о том, что опоздали мы из-за меня. И дождь тут ни при чём.

Взгляд Кински упал на меня.

— Как твои дела, Август?

Даже не дождавшись моего ответа, он отвёл меня к креслу, легким касанием взяв за плечо, одновременно с этим проговаривая:

— Сейчас я сделаю тебе чай, и ты мне всё расскажешь. Ты взял свой дневник, который я тебе дал на той неделе?

— Взял, но я совсем не пишу там ничего.

Доктор нахмурился.

— Лекарство, как я понимаю, принимать не переставал?

— Нет. По вашим указаниям мама пичкает меня колёсами регулярно.

Кински лениво перевёл взгляд на маму. Та, в свою очередь, тяжело вздохнула. Было грубо, да, но раздражительность за все годы визитов надувалась, словно шар.

— Август, это важная часть лечения. Пока мы не поймём, что есть хоть какие-то изменения от наших процедур, ты будешь вынужден принимать лекарства.

— Но ведь это не лечение. Вы «лечите» меня уже пятый год. Я словно подопытный. От ваших колёс мне только дурно становится с каждым разом. И что мне это даёт?! Пару часов сна и кровь на подушке! И глаза к вечеру красные, капли не помогают.

— Попробуй понять…

— Я пытаюсь понять, но это бред, сами посудите. Мне ничего не снится, чувствую себя паршиво, и не только физически. Разве кабинет врача не должен успокаивать? Ваш инте-

рьер — это прямо мечта для шизофреника. Один только череп у меня панику вызывает, не говоря обо всем остальном. Зачем вам череп? Вы биолог? Выбросьте его.

Как бы мама ни была привыкшей к моим порой резким высказываниям, сейчас она злилась и была разочарована. Пилила меня своим взглядом.

Но не она одна. Тот череп так же пристально за мной следил.

А Кински лишь разошелся в хохоте.

Мы удивленно устремили на него взгляды.

— Милый мой мальчик. Этот череп тут уже очень давно, и, ей-богу, антиквариат выкидывать… Как по мне — самый настоящий грех.

— Накрывайте его хотя бы тряпкой, раз так заботитесь о моём состоянии.

Кински продолжал всё так же тепло мне улыбаться. Но в глазах его промелькнула не просто насмешка, а нечто иное.

Будто весь этот разговор был для него не внезапной вспышкой моего гнева, а частью давно задуманного плана. Он смотрел на меня так, будто проверял: готов ли я услышать то, что он скажет дальше.

— Возможно, ты прав, этот череп и меня порой пугает. — Доктор сделал паузу, продолжая ехидно улыбаться.

— Но сейчас не об этом. Дело в том, что сны у тебя бывают, но ты их совсем не помнишь и, скорее всего, даже не пытаешься вспомнить.

— А вы не пытаетесь меня выслушать.

Я уже хотел было встать и уйти, но тут встряла мама.

— Август, а как же тот сон, который ты зарисовывал в блокнот? Ты же говорил, что тебе что-то приснилось.

Точно, как я мог забыть…

— Мам, не в блокнот. Это был дневник.

Кински перевёл взгляд на маму. Она хотела что-то добавить и не добавила.

— Так ты зарисовываешь сны, вместо того, чтобы записывать? — Кински поднял брови.

Он резко записывал что-то себе в тетрадь после каждой нелепицы, услышанной от меня или от матери. Это выводило из себя.

— Не сны. И я не уверен, что это точно был сон. Лишь какие-то тени, что свет от солнца загораживают.

— Покажи, — сказал доктор.

Я не сразу понял, что он просит. Потом достал блокнот и открыл на той странице. Кински взял его. Мама замерла. Переводила взгляд с блокнота на доктора. Кински разглядывал рисунок дольше, чем нужно. Потом закрыл и вернул мне.

— Эти три фигуры ты видел? И спал в полной темноте?

Спросил Кински, не поднимая глаз.

— Я всегда сплю в темноте, когда пью вашу отраву. Ночь на то и ночь, чтоб спать в темноте. Что тут смешного?

— Нет, мой мальчик, я ни в коем разе не смеюсь.

Продолжая улыбаться, говорил доктор.

— Находясь в темноте, ты не мог бы видеть что-то светлое. Даже облики не видел бы, будь это не сон.

Проговаривал он это настолько тепло и мягко, что моя раздражённость начала пропадать.

— Значит, вы хотите сказать, лекарство помогает?

Я не мог поверить в то, что говорю. Это же был совсем не сон. Мне ничего не снилось. Блики, да и только. Я помню, что такое настоящие сны, и они совершенно не похожи на то, что я видел этой ночью.

— Я хочу сказать, что тебе стоит перестать принимать лекарства. — Он помолчал. — То, что ты пьёшь, глушит память о снах. Пока оно в тебе, ты будешь просыпаться и не помнить ничего. Дальше оно будет только мешать.

— Но, Альберт!

Резко вспыхнула мать, о которой я уже совсем успел забыть.

— Только эти таблетки и позволяют Августу засыпать! Если он перестанет их принимать, то снова потеряет возможность спать. Вы сами говорили, Альберт! Ну как же…

— Оливия, прошу вас, успокойтесь…

— У нас закончился курс, что вы прописали. И что теперь делать?

Не дав закончить фразу, выпалила мама.

Она не могла поверить своим ушам. Я — своим мыслям: мне и вправду мог присниться сон.

— Оливия!

Впервые за всё время сеанса доктор повысил голос.

— Поймите, я не ошибаюсь. Августу приснился сон. Вскоре он сможет и сам засыпать по ночам, когда сильно устанет. Таблетки больше не потребуются.

— Альберт… Без сна он совсем не свой. Ему становится очень плохо. Что, если вы ошиблись?

Едва проговорила мама. Она явно сдерживала слёзы, что так и норовили выплеснуться.

Казалось, что при этом разговоре они и вовсе забыли про меня.

— Эти лекарства сильно портят здоровье вашего сына. Куда более сильно, чем отсутствие сна. Кровотечение из носа как минимум — нехороший знак, хоть и всего лишь побочный эффект.

— Что, если он снова…

Оборвала она на полуслове.

— Что, если с ним снова что-то случится?

Тут мама уже не выдержала. Слёзы всё же потекли по её щекам, обильно капая с подбородка.

— Прошу поверить мне. Всего два дня. Приезжайте через два дня. Я запишу вас на приём.

Кински записал что-то в тетрадь и вновь обратился ко мне:

— Август, когда будешь пытаться засыпать, просто расслабься, будь в темноте, не думай ни о чём. Пусть ни один звук тебе не мешает. Это может показаться тебе глупым, но

время от времени в твою голову будут приходить слова, которые поначалу ты будешь принимать за свои собственные мысли. Но это не так. Это будут слова твоего подсознания. Старайся ловить эти слова. Старайся не упускать их. Лишь из них будут выстраиваться облики и видения твоего сна. Только так ты получишь здоровый сон. И тогда ты поправишься. Капли так же не потребуются. Глазные сосуды лучше всего лечат не капли, Август, а здоровый сон.

Мне стало стыдно, что я посмел нагрубить, да и вообще, этот череп мне ничего не сделал.

— Хорошо, доктор…

Неуверенно промямлил я. Мне предстояло ещё успокаивать маму. Ей всегда было трудно вспоминать события, произошедшие со мной пять лет назад. Как, впрочем, и мне самому.

Так мама и стала искать доктора, который может помочь. Альберт Кински — единственный, кто взялся за это, а не отмахивался. За это и мне надо было бы поблагодарить его.

— Но, Август, не забывай записывать или зарисовывать свои сны. Неважно как, но ты должен их всегда стараться вспоминать.

— Постараюсь, доктор…

Сказал я это тише, чем хотел.

— Дождь так и не думает заканчиваться, стоит заметить. А чай как раз уже готов. Удостойте меня чести согреть вас бергамотом, и тогда уж можем заканчивать нашу встречу.

Чай был вкусный. Если бы не напыщенная манера общения Кински, был бы ещё вкуснее.

Уже в дверях я обернулся. Доктор стоял у окна, спиной ко мне, и разглядывал улицу. Череп на полке — я готов был поклясться — смотрел на меня.

Глава 2. Голос

Несмотря на ужасную погоду, до машины мы добрались.

Лужи разлились широко. Я не берёг себя и то и дело наступал в воду. Пусть лучше простуда, чем ещё два дня этих постных рож. Особенно тех, что по совместительству — мои одноклассники.

— Ты серьёзно? Ласты отрастил? — Мама остановилась у двери.

— Так вокруг машины океан. Как пройти, не промочив ноги?

— Там, где я прошла.

Единственная суша вела тропинкой к передней части машины, слева. Чтобы сесть за руль, не промокнув, надо было быть акробатом.

— Предлагаешь перелезать через тебя?

— А что такого? — спросила она так, будто я сморозил глупость.

— Кроме того, что я не гимнаст, — ничего.

Я открыл дверь со своей стороны.

— Кроссовки можно высушить.

— Вот сам и займёшься, — отрезала мама, захлопнув дверь.

Видно было, что она сама не в настроении. И я понимал почему.

— Ма, со мной всё хорошо будет. По дороге сюда ты сама радовалась, что скоро мне уже не потребуются лекарства. Что тебя так огорчает?

— То, что отказ от таблеток произошёл слишком резко, Август. Я рассчитывала, что курс лечения будет продолжаться до полного твоего выздоровления, — проговорила она, вновь сдерживая слёзы.

— Днём позже, днём раньше — итог одинаковый. Я иду на поправку, мам, со мной всё будет хорошо. Кински сам об этом сказал.

— А если он ошибается? — не переставала упираться она.

— Ма...

— Так, всё, даже не хочу об этом думать. Пристегни ремень. Мне ещё штрафа не хватало.

Её тон мне не понравился. Даже на обычную просьбу пристегнуться хотелось ответить так же — грубо. Я промолчал. Стоило немалых усилий.

Пристегнувшись, я уставился в окно. Может, дело не в сне. Может, я просто неприятный.

Ехали молча. Радио шипело — из-за погоды ни одну волну не поймать.

Я смотрел на дворники. Влево. Вправо. Влево. Вправо. И вдруг понял, что считаю их движения. Раз. Два. Три. Пауза. Как Кински.

Внезапно меня пробрал холод.

Всё стало таким... вязким... Ощущение, что я вот-вот усну

крепко, засело во мне и не хотело отпускать.

«Нельзя останавливаться.»

Голос в голове. И мои губы ему вторили:

— Нельзя останавливаться!

— Что? — мама не поняла. — Куда ты спешишь? Я не собираюсь ехать на красный.

Я знал: нельзя. Ни в коем случае. Меня трясло, и нога сама надавила на газ — поверх её ноги.

— Август, ты с ума сошёл?! Перестань! Что ты творишь?!

Только после перекрёстка я убрал ногу, будто очнулся. И тут...

Зеркало заднего вида. Отчётливо. В то место перед светофором, где мы должны были стоять, влетел грузовик с песком. Махина перевернулась, опорожнив прицеп.

Грохот. Визг шин. Мама притормозила.

Крики. Много. Не разобрать, кто.

Мы вышли.

— Боже мой... — Мама застыла, зажав рот ладонью.

Магазинчик на углу напоминал развалины. Передняя часть грузовика вошла в него целиком.

Я взял маму за плечо.

— Поехали отсюда.

— Эй? Мам, не смотри! Едем домой!

Она оцепенела. Смотрела и не двигалась. А я хотел убраться отсюда. Просто убраться — больше ничего.

— Маааам! — уже кричал я.

— Нужно кого-то вызвать! Дай телефон! — Тон армейской строгости ввёл меня в оцепенение.

— Ты оглох? — Она отодвинула меня рукой и полезла в бардачок с моей стороны. Взяла телефон, начала набирать, полностью забыв про дождь.

— Нет сети... Сядь в машину и жди здесь!

Ослушаться я не мог. В зеркале заднего вида видел, как она бежит к телефонной будке.

Дождь бил по крыше, заглушая крики. Я хотел убраться отсюда поскорее.

В голове всё ещё звучало это «нельзя останавливаться». Могильный голос, от которого волосы вставали дыбом. И череп. Раньше я думал о нём, только когда был рядом. Теперь думал только о черепе. Представлял, как он проговаривает эти слова. Связь была до жути ясной.

Дверь открылась резко. Я дёрнулся от неожиданности, вырванный из своих раздумий. Мама села. Бросив взгляд куда-то вдаль, она словно замерла. Спустя пару минут молча завела машину. Наконец-то мы тронулись.

— Как... Как ты? — Тихо спросила мама. Почти шёпотом.

То, что случилось на дороге, волновало меня куда меньше, чем тот голос.

— Я в порядке, — неуверенно соврал я.

— Хорошо...

Растерянность. Я редко видел маму такой.

— Ты сама... Как...?

— Ужасно... Август, там... там умерли люди. Много. Говорят, очень много.

Это было очевидно. Магазинчик маленький, но никогда не пустовал. Мне было жалко людей. Но страха перед голосом — больше.

То ли я слишком чёрствый, то ли слишком трусливый.

— Ты вызвала спасателей?

— Да, — не ответила, а отрезала она.

До дома минут пятнадцать. Ехали молча. Я крутил ручку приёмника — не столько слушая, сколько пытаясь заглушить мысли. В голове всё ещё сидел тот голос, и тишина в машине делала его громче.

Шипение. Ещё шипение. Стрелка шла по шкале, но в динамике ничего не менялось. Погода глушила все волны разом.

Потом в помехах что-то щёлкнуло. Не голос. Рычание. Низкое, короткое, будто под столом заворчала собака.

Я замер с рукой на ручке. Мама смотрела на дорогу, дворники ходили влево и вправо, и лицо у неё было спокойное.

Рычание повторилось. Ближе, будто собака подошла к самой решётке динамика.

— Мам. Ты это слышишь?

— Что? — Она не повернула головы. — Помехи. Я же говорила.

Я хотел переключить. Пальцы уже повернули ручку, и тут из динамика поднялся вой. Тонкий, с хрипом, будто тянули

из последних сил. Он лез в уши, в зубы, под кожу. По спине побежали мурашки, и я дёрнул ручку до упора.

Тишина. Только дворники. Влево. Вправо.

— Ты чего? — спросила мама.

— Ничего. Радио.

— Погода, — сказала она, как будто это всё объясняло.

В динамике снова зашипело. Ровно, пусто, как и должно быть. Я убрал руку от панели и больше её не трогал. Мне всё казалось, что стоит повернуть ещё раз, вой вернётся. И я уже не был уверен, что слышал его в динамике, а не в голове.

Я не заметил, как мы приехали.

Дождь так и лил. Капюшон едва помогал укрыть голову.

Наконец-то дома...

Как только мы вошли, мама аккуратно сняла промокшую насквозь куртку и внезапно замерла, оперевшись спиной на стену. Куртка в руках дрожала в такт её рукам. Взгляд упал на меня.

— Ты весь мокрый...

Бросив куртку на пол, она принялась трогать моё лицо, затем сжала мои плечи, словно пытаясь убедиться, что я не пострадал в той катастрофе. После этого крепко обняла.

— Переодевайся в чистое, — тихо, чуть ли не на ухо сказала мама и, отпустив из объятий, встала и пошла на кухню, словно скрывая от меня своё лицо.

На кухне тихо зазвучал мамин голос — она кому-то звонила. Слов я не разбирал. Только слышал, как она всхлипну-

ла и сразу же заговорила громче, будто пытаясь перекричать собственный плач. Я поднялся, закрыл дверь своей комнаты и прислонился к ней спиной. Руки дрожали. Не от холода.

В голове всё ещё звучало это «нельзя останавливаться». Могильный голос. А ведь мы правда могли...

Взгляд сам пополз вверх, к шкафу. Дверца была приоткрыта. Не настежь, ровно настолько, чтобы между створкой и косяком виднелся край полароидного снимка. Я не помнил, оставлял ли её так. Кажется, нет. Кажется, я закрывал.

Мысль обожгла: а если мама видела? Если бы я сам рассказал, что мне кто-то нравится — это одно. Но фото. Спрятанное. Сделанное втихую. Как что-то постыдное...

Я закрыл дверцу. Потом открыл. Потом закрыл снова. Стоял и слушал, как на кухне мама говорит по телефону — тихо, быстро, с паузами.

Блокнот лежал на столе. Я сам не заметил, как открыл его. Детектив на последней странице всё ещё стоял посреди переулка, занеся кулак над тенью. Я дорисовал ему шляпу — слишком большую, как у клоуна. Стёр. Нарисовал заново. Всё равно не то.

В комиксах у него всё получалось, он был отважным и всё успевал. А я стоял посреди комнаты с мокрыми кроссовками и не мог даже решить, закрыть шкаф или нет.

В комнате стало прохладно. Не от мокрых кроссовок — иначе.

Я посмотрел на блокнот. Детектив улыбался. Оскал —

кривой, слишком широкий для моего рисунка. Я не помню, чтоб я это рисовал.

Я взял ластик. Потёр. Улыбка осталась.

— Что за бред...

Потёр сильнее. Бумага под ластиком начала нагреваться, но рот не исчезал. Я давил, пока не почувствовал, как рвётся бумага.

Протёр глаза.

Со страницы на меня смотрел детектив. На месте рта — дыра. Рваные края. Улыбки нет.

И тут же — мысль, от которой стало холоднее: а была ли она? Или я просто стёр собственный рисунок, потому что мне показалось?

Я не знал. И это было хуже всего.

Вопреки указаниям Кински, спать я не стал. И, кажется, не я один.

Глава 3. Утро после аварии.

Я не спал. Просто сидел и смотрел, как за окном светлеет.

Блокнот лежал на столе — открытый, на той же странице. Я подошёл. Детектив смотрел на меня. На месте рта — дыра. Рваные края. Не сон. Не показалось. Бумага была настоящей, и дыра была настоящей.

Значит, улыбки не было.

Или была.

Я закрыл блокнот и убрал его в ящик.

— Август! — мамин голос снизу. Слишком бодрый. Слишком обычный.

— Завтрак!

За столом она улыбалась. Говорила про школу, про то, что сегодня надо сдать какую-то форму, про то, что дождь вроде бы закончился. Про книгу, которую дочитала ночью, — «Шёпот тёмных лун», — про то, что убийца какой-то Карл, а отец — судья. Я кивал. Один раз она замолчала на полуслове. Открыла рот. Я ждал вопроса. Она взяла чашку и сказала:

— Чай будешь?

Кивок головой.

У её локтя лежала газета. Я прочитал заголовок через стол: «Двенадцать погибших на перекрёстке Генслей и Вигеля».

Я не спрашивал, спала ли она. Мы оба делали вид. Хотя

мои красные глаза, наверное, говорили сами за себя.

— Мам.

— М?

— Ты вчера... — Я не знал, как спросить. — Ты видела, что у меня в шкафу?

Она на секунду замерла. Потом улыбнулась — слишком быстро.

— Ты про фотографию? Милая девочка. Как её зовут?

Я не ответил. Цвет моих ушей и щёк говорил сам за себя.

— Август?

— Сабрина. — Я уставился в тарелку. — Её зовут Сабрина.

— Красивое имя.

Она больше ничего не сказала. И я не знал, хорошо это или плохо.

В неловкой тишине я уплетал свой завтрак, а мама заварила чашку чая.

— Август, — она не подняла глаз от чашки. — Вчера, на дороге... Ты сказал «нельзя останавливаться». За секунду до.

Я замер с вилкой в руке.

— Ты что-то видел? — Она наконец посмотрела. — Или... услышал?

Слово «услышал» повисло в воздухе. Как будто она уже знала, что это не «видел».

— Интуиция, — сказал я. — Просто почувствовал.

— Просто почувствовал, — повторила она. Не вопрос.

Просто повторила, будто пробуя слово на вкус.

И больше не спросила.

Мы доели молча. Я собрал тарелку, она забрала её у меня — «иди, опоздаешь». Обычные слова, обычные движения. Только слишком аккуратные. Как будто мы оба шли по тонкому льду и боялись оступиться.

Не знаю, что было у неё в голове. Недоверие? Страх? Или всё сразу? Я боялся, что Кински — не конец. Что дальше — смирительная рубашка и белые стены. Наверное, она думала о том же.

В прихожей я натянул куртку. Мама стояла в дверях кухни, вытирая руки о полотенце. Слишком долго вытирала.

— Август.

Я обернулся.

— Если что-то... — она запнулась. — Если тебе что-то будет нужно. Скажи. Ладно?

— Ладно.

Я вышел. Дверь за мной закрылась тише, чем обычно.

В кармане лежало фото. То самое. Я не доставал его. Просто знал, что оно там. И это почему-то было важнее, чем всё остальное.

До школы было двадцать минут пешком. Я шёл медленно. Впервые за долгое время мне не хотелось туда меньше, чем домой.

По дороге я проходил перекрёсток Генслей и Вигеля. Ещё вчера здесь стоял грузовик. Сегодня магазин был забит дос-

ками, на асфальте темнел песок, а у двери лежали цветы. На досках висели фотографии, размокшие от дождя. Я не остановился. Ускорил шаг.

Вчерашнее не выходило из головы. Я снова и снова видел этот грузовик — как он влетает, как переворачивается, как песок сыплется из прицепа. Двенадцать человек. Двенадцать.

А ведь мы могли быть на их месте. Могли — если бы не голос.

Я говорил себе, что не мог иначе. Что если бы машина осталась там, где стояла, я лежал бы теперь под этими досками вместе с ними. Довод был правильный, и он ничего не менял.

От этой мысли становилось не по себе. Не потому, что мы выжили. А потому, что я знал. Знал то, чего знать не мог. И это знание пришло не от меня.

На полпути мир поплыл. Не сильно — так, будто я смотрю сквозь толстое стекло. Люди на другой стороне улицы шли чуть медленнее, чем должны были. Звуки опаздывали: сначала я видел, как женщина открывает рот, и только потом слышал, что она говорит.

Я остановился. Протёр глаза. Мир вернулся на место.

На автобусной остановке стоял человек в длинном пальто. Лица не разобрать, словно его вовсе нет. Он не шевелился. Просто стоял и смотрел в мою сторону. Или не в мою. Или никуда.

Я моргнул.

Никого не было.

— Это полный бред...

Автобус подъехал, двери открылись, из него вышли двое. Я пошёл дальше. Уже у школы понял, что всю дорогу сжимал лямку рюкзака так, что пальцы затекли.

Школьный коридор гудел — до звонка оставалось минут пять, и все торопились.

Я шёл вдоль стены, как обычно. Так меньше шансов, что кто-нибудь толкнёт. Или окликнет. Или просто посмотрит.

Человека в пальто нигде не было. Я искал его — и злился на себя за то, что ищу. Я не видел его лица, но почему оно ощущалось таким знакомым?

— Август.

Я оглянулся, вздрогнув. Сабрина стояла у окна, прижимая к груди учебник. Тёмные волосы собраны в пучок, на щеке — след от подушки. Она тоже не спала.

— Ты выглядишь так, будто видел что-то, чего не должен был, — сказала она.

Я не нашёлся, что ответить. Просто стоял и смотрел.

— Вчера, на Генслей, — продолжала она, будто мы уже полчаса разговаривали. — Ты там был? Я видела вашу машину.

— Был.

— Я тоже. — Она перевела взгляд на окно. — Мы с мамой в очереди стояли. В том магазине. За десять минут до.

Внутри у меня что-то сжалось.

— Мы могли там быть, — сказала она тихо. — Могли.

И я понял, что она тоже знает, что такое «могли». Только с другой стороны.

— Ты поэтому не спала? — спросил я.

— А ты?

Она не улыбнулась. Смотрела прямо. И я понял: она не просто спрашивает. Она проверяет, свой ли я. Или чужой.

— Не спал, — сказал я.

— Почему?

Я не ответил. В кармане лежало фото. Я знал, что оно там. И она, наверное, тоже знала.

— Ладно, — сказала она. — Не хочешь — не говори.

Звонок. Она вздрогнула, будто он застал её врасплох, и улыбнулась — коротко, невесело.

— Я, кстати, тоже увлекаюсь фотографией. — Сабрина помолчала. — Полароид, да?

Она ушла в класс с лёгкой улыбкой. А я стоял в оцепенении и думал: она знает, что я её фотографировал.

Ребята уселись по своим местам. Соседа по парте у меня не было, и это меня устраивало более чем. Я сел у окна. Достал тетрадь. Не открыл.

Урок тянулся. За окном моросило, и я смотрел, как капли ползут по стеклу, сливаясь в кривые линии. Где-то там, на другой стороне улицы, у автобусной остановки, кто-то стоял. Или мне казалось. Холод накрыл меня. На этот раз сильнее,

чем обычно.

— Август?

Я не сразу услышал.

— Август!

Обернулся. Учительница стояла у доски, сложив руки. Улыбалась — слишком широко для того, что собиралась сказать.

— Ты нас слушаешь?

— Да. Простите.

Слова учительницы доносились с запозданием.

— Тогда ответь. Что ты видишь в окне?

Класс притих. Я чувствовал, как взгляды сползаются ко мне — по одному, по два.

— Дождь.

— Дождь, — кивнула она. — Хорошо. А кто ещё там?

Я замер. Кто-то хихикнул — коротко, в кулак.

— Никого.

— Никого, — повторила она. — А вчера? Вчера кто был?

— Простите?

— Вчера. На дороге. Кто тебе сказал?

Тишина. Потом смех — сначала один, потом ещё, потом весь класс. Я сидел и не понимал, что происходит. Учительница улыбалась. Сабрина смотрела на меня и тоже улыбалась — и от этой улыбки внутри всё сжалось.

— Я не понимаю, — сказал я. Голос вышел тихим.

— Не понимаешь, — эхом отозвалась она. — А отец твой

понимал?

Смех стих. В классе стало так тихо, что я слышал, как капля стучит по подоконнику.

— Что? — Я не узнал свой голос.

— Отец. — Учительница наклонила голову. — Он понимал, куда идёт? Понимал, что делает?

Кто-то за спиной сказал — негромко, но отчётливо:

— Говорят, его папаша в лес ушёл. И того, вздернулся на ветке, как собака. Глубоко ушёл, потому и не нашли.

Я обернулся. Это был Макс — тот, кто всегда молчал на уроках и смеялся на переменах. Он сидел, откинувшись на стуле, и смотрел на меня без злобы. Просто смотрел.

Дальше я плохо помню.

Помню, как встал. Помню, как стол отлетел в сторону. Помню, как Макс поднял руки — слишком поздно. Помню удар. И ещё один. И как кто-то схватил меня за плечи, а я всё тянулся вперёд, потому что остановиться уже не мог.

Кто-то оттащил меня. Не помню кто. Перед глазами мелькали лица — широко открытые глаза, раскрытые рты. Кто-то отшатнулся. Кто-то засмеялся. Или мне показалось. Горло болело, словно я долго кричал, хотя своего голоса я не помнил. Сабрина оказалась рядом. Она что-то спрашивала, но слова доходили отдельно от неё, будто через вату. Я не ответил. Не смог.

Когда я снова начал соображать, я стоял в коридоре. Спиной к стене. Костяшки горели. Сабрины уже не было.

Макс вышел через несколько минут. Губа разбита, подбородок в крови. Он посмотрел на меня. В его взгляде можно было прочесть непонимание, осуждение, возможно, страх, но никак не раскаяние.

— Ты конченый. — Голос звучал очень хрипло.

— Твоё место в психушке! Ненормальный! — Отдаляясь, он говорил всё громче.

Я не ответил.

— Псих. — Макс уже срывался на крик, вытирая рот тыльной стороной ладони. — Псих чокнутый!

Я прислонился к стене затылком. Холодно. Хорошо.

Звонок прозвенел, и класс повалил в коридор. Я стоял у стены, не двигаясь. Мимо шли лица. Кто-то косился, кто-то делал вид, что не замечает. Сабрина шла последней. Поравнявшись со мной, она не сбавила шага, но у двери остановилась. Вернулась. Взяла меня за руку. Я вздрогнул. Она посмотрела на костяшки. Кровь была свежая, ещё блестела. Достала из кармана сложенную салфетку и приложила к руке. Салфетка была мягкая, с голубой каймой.

— Ты меня слышишь? — спросила она.

Я кивнул. Кажется.

— Не хочешь говорить — не надо. — Она подождала. — Но не держи это в себе.

Она не ждала ответа. Развернулась и вышла.

Я сжал салфетку. Костяшки горели. Горло тоже.

Учительница вышла следом. Остановилась в дверях, сло-

жила руки.

— Август. — Голос ровный, будто она читала список. — К директору. Сейчас.

Я не двинулся.

— Ты слышал?

— Слышал.

— Иди. — Она подождала. — И, Август... — она запнулась, будто подбирала слово. — Что бы это ни было... это не оправдание.

Я пошёл по коридору. Спиной чувствовал, как она смотрит. Костяшки горели. Я посмотрел на руку. Ссадина. Настоящая. Кровь уже не блестела, но была липкой. Значит, хоть что-то было настоящим.

У кабинета директора стоял тот человек, без лица.

Я моргнул.

Никого.

Глава 4. Дорога домой.

Я шёл медленно. Домой не хотелось. Выговор мне уже вынесли, в личное дело записали. Директор наверняка уже позвонил, и мама ждала — с тем самым лицом, которое она старательно делала спокойным.

Я пытался придумать, что скажу. И не мог. «Мне показалось, что он сказал про отца» — так себе объяснение. «Я не спал» — тоже. «Голос в голове велел» — вообще смешно.

Про отца я почти ничего не знал. Стандартный набор любого покинувшего этот мир раньше времени родителя, со слов матери: любящий, заботливый, хороший. И всё. Я даже не знаю, было ли это правдой. Может, она просто не хотела, чтоб я знал другое… Ни деталей, ни историй, ни фотографий — кроме одной, старой, где он стоит у окна, и лица почти не видно. Официально он пропал без вести. Так и было написано в бумагах.

Слова Макса всё крутились у меня в голове: «Сам ушёл, в лес, подальше». Откуда он это взял? Да и не только он. Я слышал об этом слухе не в первый раз. Городок маленький, но тем не менее, если мама никогда не говорила… Если в бумагах — «пропал без вести». Кто в этом городе может знать больше, чем моя мать?

Я остановился.

Вспомнил деталь, которую раньше воспринимал за совпа-

дение, сейчас же моя паранойя связывает всё яснее.

После случившегося, пять лет назад, в одном из разговоров с доктором Кински мать обронила фразу. Сейчас я её прокручиваю в голове так, словно она была сказана минутой ранее: «Его отец тоже плохо спал».

Дом был уже виден. Я стоял и смотрел на него, и ноги не шли. Я знал, что за дверью мама. И что она будет спрашивать. И что я не знаю, что ответить.

Я взялся за ручку. Но не повернул.

— Август?

Голос за спиной. Тихий, ровный. Я обернулся.

Улица была пуста. Только дождь и мокрая листва на асфальте.

— Когда же это закончится… — я перестал доверять собственной голове.

Я снова повернулся к двери в очередной попытке открыть её — и в стекле, прямо за моим отражением, стоял безликий человек. Удары сердца ощущались всем телом.

Я резко обернулся.

Никого.

И тут же — звук пропал. Не полностью. Просто стал глуше, будто уши заложило. Лужа у крыльца перестала отражать небо. Пустая серая вода. Стук сердца был единственным отчётливым, правдивым звуком.

Шаг назад.

— Август!

Мамина рука на плече. Я обернулся. Она стояла в дверях, в фартуке, с полотенцем в руках.

— Ты чего стоишь? Я тебя зову, зову…

Я посмотрел на лужу. В ней снова было небо.

Она посторонилась, пропуская меня в прихожую. Фартук, полотенце через плечо, на щеке — мука. Обычная. Будто ничего не случилось.

Я снял куртку. Повесил. Слишком аккуратно, даже робко.

— Директор звонил, — сказала она, не глядя на меня.

— Давай.

Мама кивком указала на кухню.

Я вошёл на кухню следом.

На столе стояла тарелка с супом. Пар шёл. Значит, ждала. Давно.

— Садись.

Я сел.

Она села напротив. Смотрела, как я беру ложку. Молчала. И это было хуже, чем если бы кричала.

— Он сказал, ты ударил одноклассника. — Голос мамы был ровный. — Сильно ударил.

— Да.

— Просто так?

— Нет.

— Тогда как?

Я не знал, что ответить. Уже не в первый раз я теряюсь в том, чтоб быть честным с собственной матерью. Смотрел

в тарелку. Суп был вкусный. И это почему-то было невыносимо.

— Он сказал про отца, — выговорил я наконец. — Что он сам. В лес ушёл.

Мама не пошевелилась. Только полотенце на плече дёрнулось — она его поправила. Слишком медленно.

— И ты ударил его за это.

— Он не должен был.

— Не должен, — согласилась она. — И значит нужно бить? — Тишина. Я слышал, как тикают часы в коридоре.

— Август. — Она наконец посмотрела мне в глаза. — Что с тобой происходит?

И я понял: она спрашивает не про драку.

Я молчал. Слова были — много слов, — но ни одно не годилось. «Я не спал». «Мне показалось». «Голос в голове». Всё это звучало как то, чего она боялась больше всего.

Мама вздохнула — так, будто решалась на что-то, что откладывала.

— Я позвоню Кински, — сказала она. Не спросила. Поставила перед фактом.

— Мам…

— Завтра же. — Она встала. Забрала мою тарелку, хотя суп был почти не тронут. — Он должен знать.

— Что знать? — Я тоже встал. — Что я подрался? Это не его дело.

— Что тебе не становится легче. Я говорила Альберту,

что рано отменять курс. Посмотри на себя. — Тон голоса стал выше. — Глаза красные, под глазами синяки. То ты рассказываешь, что спал, потом выясняется другое. Что с тобой происходит? — Мама перешла на крик. — Ты закрываешься от меня. Я вижу, что тебе плохо, но ты молчишь!

Я открыл рот. И закрыл.

— Вот и я о том же, — сказала она, уже тише. И включила воду.

Вода шумела. Мама стояла спиной, тарелка в руках, губка ходила по краю — туда и обратно, хотя тарелка была уже чистой.

Я уже шёл к себе, но остановился в дверях. Я должен знать.

— Мам.

Она не обернулась.

— Про отца.

Кран замолчал. Резко. В коридоре сразу стали слышны часы.

— Что про отца? — спросила она, не поворачиваясь.

— В школе говорят, он сам ушёл. В лес. — Я смотрел ей в спину. — Что его искали там, но не нашли.

Она положила тарелку в сушилку. Аккуратно, будто та была из тонкого фарфора.

— В школе много чего говорят.

— Ты ни разу не говорила, что именно случилось. Как он пропал?

— Пропал, Август. — Она вытерла руки о полотенце, хотя руки были сухие. — Всё указано в рапортах и протоколах. Пропал без вести.

— Я спрашиваю не про бумаги.

Она обернулась. Не зло. Испуганно. Будто я застал её за чем-то.

— А про что ты спрашиваешь?

— Про то, что было на самом деле.

— Я не хочу сейчас об этом говорить.

— А когда? — Я услышал свой голос и не узнал его. — Я про него ничего не знаю. Одна фотография, и на ней лица не видно.

Мать молчала. Полотенце она всё ещё держала в руках, скомканное.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Одна вещь. Спроси одну.

Я не ждал этого. Думал, она снова уйдёт от ответа.

— Тот наш первый визит к Кински. Я помню его. Ты сказала… — я запнулся. — Что отец тоже плохо спал. Я слышал, когда вы вышли за дверь.

— Да, у твоего отца были проблемы со сном, — сказала она. — Давно. До тебя ещё.

— Как и у меня?

— Как и у тебя. — Она смотрела в пол. — Только хуже.

— И что? — Я не знал, что спрашивать дальше. — Он поэтому…

— Нет. — Она сказала это быстро, почти грубо, и тут же тише: — Не поэтому.

— Тогда почему?

За окном по стеклу ползла капля, оставляя кривой след. Я следил за ней, чтобы не смотреть на мать.

— Он боялся засыпать, — сказала она. — Говорил, что во сне не он. Что просыпается не там, где лёг.

Я не двинулся.

— Что это значит?

— Не знаю. — Она наконец посмотрела на меня. — Я никогда не знала. Он говорил это как шутку. Или мне так хотелось думать.

— Мам…

— Всё. — Она положила полотенце на стол и повернулась к раковине. — Я сказала больше, чем надо. Иди в свою комнату. Займись уроками.

— Ты поэтому водишь меня к Кински? — спросил я ей в спину. — Из-за него?

Кран не включился. Она стояла, опершись руками о край раковины, и я видел, как у неё поднимаются и опускаются плечи.

— Я вожу тебя, — сказала она, — потому что тебе плохо. Остальное — не твоё дело.

— Уже моё.

Она не ответила.

Я поднялся к себе. Не стал включать свет.

Фотография отца стояла на полке — я знал, где. Знал, под каким углом. Сейчас угол был другой. Я не стал её поправлять.

Пусть стоит как стоит. Может, маме так легче.

Блокнот я не доставал. Знал, что там. Дыра никуда не делась за день.

Лёг на кровать не раздеваясь. Рассматривая потолок я слушал дом. Как мама ходит по кухне. Как скрипит кран. Как капает вода.

Обычные звуки. Только слишком громкие.

Я ждал холода. Он не приходил. И это было хуже, чем если бы пришёл. Я стал думать о том, что сказала мама. Во сне не он. Просыпается не там, где лёг. Не там, где лёг…

Глава 5. Первый сон.

Я не помню, как заснул. Помню только, что смотрел в потолок — и вдруг уже шёл.

Улица была та же. Наша. Но не совсем. Вывески — незнакомые, буквы кривые, будто их писали от руки. Фонари — высокие. Ни одной машины. Ни одного человека.

И дождь. Тёплый. Не такой, как днём.

Я шёл, не понимая куда. Ноги сами несли. Мимо парикмахерской, мимо булочной — только вывески другие. Мимо магазина, в который недавно въехал грузовик. Он стоял целый. Витрина блестела. За стеклом — никого.

Впереди, на перекрёстке, стояли три фигуры. Те самые. Я узнал их сразу — по силуэтам, по тому, как они держались. Не шевелились. Ждали.

Я подошёл ближе. Одна обернулась.

Лица не было. Не потому что темно. Просто — не было. Гладкое, как бумага. И я понял: смотреть туда нельзя. Не то чтобы страшно. Просто нельзя, и всё.

Она подняла руку. Показала вперёд.

Я посмотрел.

В конце улицы стоял безликий человек — далеко. На его руке что-то поблёскивало. Он не двигался. Просто стоял и ждал.

— Август!

Голос откуда-то сверху. Или изнутри. Я остановился.

— Август! Просыпайся!

Я открыл глаза.

Потолок. Тёмный. Своя комната. За окном — серое утро.

Мама стояла в дверях. В халате, растрёпанная.

— Ты кричал, — сказала она. — Я услышала.

Я сел. Во рту пересохло. Ладони сжаты в кулаки — так сильно, что ногти оставили следы.

— Всё нормально, — сказал я. — Приснилось.

Она не ушла. Стояла в дверях, держась за косяк. Лицо в полутьме — не разобрать.

— Август. — Голос тихий. — Тебе приснилось?

Я кивнул.

У неё дрожали руки. Не от страха. От чего-то другого.

— Это хорошо, — сказала она. — Это… хорошо.

И тут же — будто спохватилась:

— А что? Что ты видел?

— Не помню, — соврал я.

Она помолчала. Потом кивнула — не мне, а себе.

— Ладно. Ладно. — Она взялась за дверную ручку. — Завтрак через полчаса.

И закрыла дверь. Тише, чем обычно.

Я разжал кулак. На ладони — песок. Мокрый. Холодный.

— Это ещё что...

Я стряхнул его в окно. Остатки постарался стереть об штанину. Вышло не очень.

За завтраком мама была другой. Не спокойной — собранной. Как перед экзаменом.

Она поставила передо мной тарелку, села напротив. Смотрела, как я ем. Не ела сама.

Бэнго сидел под столом и не просил еду. Обычно он клянчил всё утро. Сейчас — сидел тихо и смотрел на меня. Не на тарелку. На меня. Появился оскал. За ним последовало рычание.

— Ты чего? — спросил я.

Шерсть на спине Бэнго встала дыбом.

— Мам, он заболел?

Мама глянула под стол.

— Бэнго. Место.

Он не двинулся. Смотрел на меня — и рычал. Тихо. Едва слышно. Но рычал.

— Бэнго!

Он замолчал. Лёг. Но глаз не отводил.

Мама нахмурилась.

— Странный он сегодня.

Я не сказал ничего. Потому что знал: не странный. Просто чует холод. Который я уже не чувствую.

Мама решилась:

— Я звонила Кински. Ещё утром. Пока ты спал.

Я перестал жевать.

— Он сказал приехать сегодня. В два. — Она сжала чашку. — Сказал, это важно.

— Что важно?

— То, что ты видишь сны. — Она смотрела в стол. — Он сказал… — она запнулась, — что если это началось, то надо не упустить.

— Не упустить что?

Она не ответила.

Я отложил вилку.

— Мам. Что он тебе сказал?

— Что ты идёшь на поправку. — Она наконец посмотрела на меня. — Это ведь хорошо, да?

И я понял: она спрашивает не меня. Она спрашивает себя.

— Хорошо, — сказал я.

Она кивнула. Взяла чашку. Но не отпила — просто держала, будто грелась.

— Август. — Голос тише. — А тот сон… Ты правда его не помнишь?

Я смотрел на неё. На её руки. На то, как она держит чашку — слишком крепко, пальцы побелели.

— Правда, — сказал я.

Она отпустила чашку, и пальцы разжались медленно.

Бэнго под столом зарычал снова. Громче.

Мама встала. Собрала посуду. На пса не смотрела.

— Одевайся, — сказала она, по пути к раковине. — Выезжаем через полчаса.

Я поднялся к себе. Из чистого у меня был свитер, который мама купила мне на рождество. Он кололся и я его ненави-

дел. Спустился в нём.

В коридоре мама стояла у зеркала. Поправляла шарф. Я видел в отражении её лицо. Оно было спокойным. Слишком спокойным.

Я натянул куртку. Проверил карман — фото на месте. Не доставал. Просто знал.

Выехали в половине второго. Мама вела молча, я смотрел в окно. Дождь стих, но небо осталось серым, будто кто-то забыл его выключить.

На подъезде к перекрёстку встали. Пробка была плотная. Мама постучала пальцами по рулю.

— Время есть, — сказала она. Слишком уверенно.

Машины не двигались. Я видел впереди мигалки — синие, красные. Скорая. Полиция.

— Что там? — спросил я.

— Не знаю.

Я опустил стекло. Пахло мокрым асфальтом и чем-то ещё — кислым, будто гарью. Люди стояли на тротуаре, сбившись в кучу. Все смотрели в одну сторону.

И среди них — безликий в длинном пальто. Стоял неподвижно. Смотрел не туда, куда все. Смотрел на нашу машину.

Я моргнул.

Толпа та же. Он всё ещё там.

— Август, закрой окно, — сказала мама.

Я закрыл. Машины тронулись. Мы поехали медленно.

Обернувшись назад, через заднее стекло я всё так же видел его. Безликий стоял на прежнем месте. Не двигался. Смотрел вслед.

Я перевёл взгляд в окно. Было плохо видно. Всё загораживали полицейские машины и скорая. Я увидел осколки стекла на асфальте и кусок от бампера. Мама смотрела прямо перед собой. Я отвернулся.

— Что там было? — спросила мама.

— Не знаю, похоже на аварию.

Она ничего не сказала. Только чуть быстрее нажала на газ.

Кински ждал нас в коридоре. Не в кабинете — в коридоре, у двери. Это было странно. Не помню, что бы я видел его за пределами своего кабинета. До недавнего времени, я был уверен, что они с ним одно целое.

Сейчас он стоял, заложив руки за спину. Не улыбался. И покачивался — едва заметно, с пятки на носок. Как маятник. Туда-сюда.

— Вы опоздали, — сказал он. И посмотрел не на маму. На меня. Впервые в голосе не чувствовалось тепло.

— Пробка, Альберт, — начала мама. — У перекрёстка…

— Знаю. — Он не дал договорить. — Проходите.

В кабинете пахло лекарствами и старой бумагой, будто окно давно не открывали. На столе — чашка, недопитая. Рядом — открытая тетрадь. Страница исписана, но разобрать не получилось: Кински закрыл её, как только мы вошли.

Я сел в кресло. Мама осталась стоять у двери.

И тут я увидел полку.

Черепа не было.

Полка была пустая. Остался только след — светлое пятно на пыльном дереве, по форме — круг. И пыль вокруг нетронутая. Будто череп не убрали — он исчез. Сам.

Я посмотрел на Кински. Он смотрел на меня. И на секунду — потерялся. Будто не знал, что сказать. Потом моргнул и сел за стол.

Я обратил внимание на его пальцы. На их стук по столешнице. Ровно, размеренно, будто отсчитывал. Раз-два-три. Пауза. Раз-два-три.

— Итак, — голос ровный, слишком ровный. — Мне сказали, тебе приснился сон.

— Приснился.

— Расскажи.

Я рассказал. Про улицу. Про вывески. Про трёх фигур и бумажное лицо. Про безликого человека в конце улицы. Не всё. Но достаточно.

Кински слушал, не перебивая. Пальцы не останавливались. Раз-два-три. Пауза. И нога под столом — тряслась. Я видел, как дёргается колено.

— Ты сказал, вывески были другие. Незнакомые.

— Да.

— Опиши.

Я описал. Как мог — кривые буквы, чугунные фонари, газовый свет.

Стук прекратился. Кински медленно откинулся на спинку. И — впервые за всё время — перестал улыбаться. Совсем.

— Альберт? — мама шагнула вперёд. — Что-то не так?

Он не ответил. Встал. Подошёл к окну. Долго смотрел на улицу. Я видел его отражение в стекле — он смотрел не на улицу. Он смотрел на полку. Пустую.

— Август, — сказал он наконец, не оборачиваясь. — Этот сон. Ты уверен, что он тебе приснился?

— А что ещё?

Он обернулся. И я увидел его лицо. Оно было старым. Впервые — старым. И руки — не находили места. Он то сжимал их, то разжимал. То поправлял тетрадь на столе, хотя та лежала ровно.

— Не знаю, — сказал он. — Пока не знаю.

Тяжело выдохнув, Кински сел обратно и начал торопливо листать свою тетрадь. Его брови напряглись, он вчитывался в страницы. Затем взял ручку, откинулся назад и начал вести запись. В какой-то момент казалось, что доктор и вовсе забыл, что мы здесь.

— Что ж. На сегодня достаточно. Ты... Ты молодец, Август. — Кински попробовал улыбнуться. Если раньше это было его обычным выражением лица — сейчас это напоминало гримасу.

— Ещё… — я запнулся. — Я видел его раньше. До сна.

Кински поднял глаза от тетради.

— Кого?

— Безликого человека. На дороге. Когда мы ехали к вам. Стоял в толпе, у аварии. Смотрел на нашу машину. А потом… — я сглотнул, — потом я обернулся, а он всё ещё стоял. Обычно он будто исчезал. Я знаю, как это звучит. Но не в этот раз. Он не исчез.

Кински не двинулся. Ручка замерла над страницей.

— Не исчез, — повторил он. Не вопрос.

— Не исчез.

Он медленно положил ручку. И закрыл тетрадь. Хотя не дописал.

Мы сидели ещё минуту. Может, две. Кински смотрел в стол. Потом встал.

— Я провожу вас.

Кински проводил нас до двери. Не до кабинета — до выхода. Раньше он так не делал.

— Август. — Он остановил меня за плечо. Легко, но я почувствовал: пальцы напряглись. — Если увидишь его снова…

— Кого?

— Безликого человека. — Он смотрел мне в глаза. — Не важно, где. На улице. В школе. В окне. Скажи мне. Сразу.

— Почему?

Он не ответил. Отпустил плечо. Поправил воротник — хотя тот лежал ровно.

— Просто скажи.

Я кивнул. Он открыл дверь, и тут — на секунду — его взгляд скользнул мимо меня. Не на маму. Выше. Будто за моей спиной кто-то стоял. На лестничной площадке. Пустой.

Я обернулся. Никого.

Когда я повернулся обратно, Кински уже смотрел в пол. И тёр переносицу. Как человек, у которого болит голова. Или который не спал.

— До свидания, Альберт, — сказала мама тихо.

Она взяла меня под руку и повела вниз. Лифт так и не починили.

На улице она наконец перевела дыхание.

— Что он сказал? — спросила она.

— Ничего. Просто… — я подбирал слова, — чтобы я рассказывал, если что-то увижу.

— Что увидишь?

— Не знаю.

Она села в машину, не сказав больше ни слова.

Я обернулся на окна кабинета. Кински стоял у стекла. Смотрел вниз. И — я готов был поклясться — не на меня. Чуть выше. Туда, где на тротуаре никого не было.

Домой ехали под радио. Тихая музыка, помехи, диктор что-то говорил про погоду. Мама не переключала. Я смотрел в окно и думал о своём.

О пустой полке. О пальцах Кински, которые стучали по столу. О том, как он смотрел — не на меня, а выше.

Дома мама ушла к себе. Сказала — устала. Я не поверил,

но не стал спрашивать.

Я сел за доклад. Открыл учебник, тетрадь, начал писать. Буквы выходили ровные, строчки — прямые. И мысли — тоже. Только не о докладе.

Пустая полка. Светлое пятно на пыли. Нетронутая пыль вокруг.

Я перечитал написанное. Ничего не понял. Отложил ручку.

Взял «Полароид» и лёг. Не раздеваясь. Смотрел в потолок. Сфотографировал его. Снимок вылез, но я не стал смотреть.

Думал о Кински, о том, как он замер, когда я сказал про человека. Как закрыл тетрадь. Как проводил до выхода — впервые.

Он знает больше, чем говорит. И боится. Не меня. Чего-то.

Потолок плыл. Медленно, как в воде. Я моргнул — и он стал ближе. Ещё моргнул — дальше. Тело не слушалось.

И тогда я понял: я уже не дома.

Улица. Газовые фонари. Тёплый дождь. Я снова тут.

Глава 6. Улица.

Я шёл по знакомому и одновременно незнакомому месту. В руках у меня был... Полароид? Интересно...

Остановился на перекрёстке вспоминая, как сюда попал. Ни машин, ни людей. Только свет в окнах — жёлтый, живой, будто за стеклом кто-то ходит.

Я сделал шаг. Каблук стукнул по булыжнику — громко, слишком громко. И тут же — тишина. Даже дождь замолчал.

— Август.

Голос за спиной. Не мужской, не женский. Ровный, как у диктора по радио.

Я обернулся.

На другой стороне улицы стояла фигура. Не безликий — кто-то меньше. Ребёнок? Женщина? Черты лица смазаны — свет фонаря бил прямо в глаза.

— Ты так и не нашёл, — сказала она. Не упрек. Просто факт.

— Что не нашёл?

— Свою тень. — Она не двинулась. — Ты пришёл сюда без тени.

— При чём тут моя тень? Почему ты говоришь загадками? Кто ты? Где я? — вопросы проносились у меня в голове. Их было больше, чем я задал.

Ответа не последовало. Потом она подняла руку — туда,

вперёд, в конец улицы.

Я посмотрел.

Человек в пальто стоял ближе, чем в прошлый раз. Лица всё ещё не видно. Но на его руке я заметил кольцо. Даже не кольцо, перстень. Человек был не один. Рядом — пустота. Как будто кого-то не хватает.

Я постарался сделать снимок, но координация страдала.

«Щёлк». — Фото не вышло.

«Щёлк». — Так же.

Я судорожно жал на кнопку для снимка, но ничего не происходило.

К чёрту, — подумал я и опустил камеру.

Обернувшись назад, я не увидел фигуры. На том месте — только лужа, и в ней отражался фонарь.

Я пошёл к безликому.

Улица не кончалась. Безликий оставался на том же расстоянии. Будто я шагал на месте, а он ждал.

— Эй! — крикнул я.

Голос ушёл в тишину. Даже эха не было.

Я остановился. Посмотрел под ноги. Булыжник. Тот же, что у перекрёстка. Я не сдвинулся ни на шаг.

— Август.

Голос снова за спиной. Я обернулся.

Никого. Только лужа и фонарь.

— Ты не дойдёшь. Пока не вспомнишь.

— Что?

— Дорогу.

Я посмотрел на улицу. Прямая, как стрела. И ни одной живой души.

— Я не знаю эту дорогу! — крикнул я.

— Знаешь. — Голос улыбнулся? Или мне показалось. — Ты просто забыл.

И тогда человек в пальто поднял руку. Медленно. Показал вперёд. Туда же, куда показывала фигура у перекрёстка.

Я сделал шаг. И улица дрогнула. Не сильно. Как будто под булыжником что-то перевернулось.

Второй шаг. Фонарь мигнул.

Третий.

Дома поплыли. Не исчезли — поплыли, как отражение в воде, если бросить камень. За ними — поле. Дым. Запах жжёного сахара, резкий, до тошноты.

Голос за спиной — ближе, чем раньше:

— Вот. Теперь…

И тут дождь — тёплый, тихий — ударил в лицо.

Я открыл глаза.

Потолок. Своя комната. За окном — серое утро.

Руки сжимало «Полароид» так крепко, что пальцы болели.

Рядом рассыпались фотографии.

Ничего. Сплошной чёрный. Я перебрал снимки. Все чёрные, без единого пятна. Только один зафиксировал потолок — тот, что я сделал вечером. Значит, вспышка накрылась.

Или затвор. Или плёнка.

— Сломался, — сказал я вслух. — Ну конечно.

Я вспомнил, как мама вручала его — с бантом, слишком большим для такой коробки. Значит, отнесу мастеру. После школы. Где-нибудь на Генслей наверняка есть ремонт.

Я держал и осматривал полароид. Корпус бы ледяной и весь покрыт сажей. Я провёл рукой — сажа осталась на ладони.

— Бред...

Я встал. Подошёл к зеркалу. Из зеркала на меня смотрел растрёпанный, уставший парень. Я перестал удивляться.

Собирая сумку в школу, камеру закинул поверх учебников. Она всё ещё была холодной. После школы — в мастерскую. Решено.

Я спустился и пошёл в ванную. Открыл воду. Тёр. Мыло не помогало — сажа въелась в кожу. Я тёр сильнее, до боли. Сдался. Посмотрел в зеркало.

— Да что со мной происходит… Сначала галлюцинации, теперь какая-то грязь. Не хватало ещё и в лунатики заделаться. Хотя… Может, я уже…

— Август? — мама стукнула в дверь. — Ты там заснул?

— Сейчас выйду.

Я вытер руки. Пятно сажи осталось. Я спрятал руки в карманы и вышел.

За завтраком мама не смотрела мне в глаза. Бэнго сидел под столом — не рычал, но и не подходил. Просто сидел в

углу и смотрел, как я ем.

— Ты опоздаешь, — сказала мама.

— Знаю.

Последовала пауза.

— Август. Вчера… — она запнулась. — Вчера ты сказал, что видел кого-то на дороге. Ты видишь только его или ещё что-нибудь?

— Только его, всего один раз — снова соврал я.

— А когда доктор тебя остановил, что он тебе сказал?

— Я же говорил… Чтобы я сообщил ему, если вдруг что-то увижу.

Она кивнула. Но я видел: она не успокоилась. Просто отложила.

Я вышел, аккуратно прикрыв дверь. Отражения в двери не было. Дождь прекратился.

В школе пахло хлоркой. Привычно. Коридор гудел. Я шёл вдоль стены, как обычно. Но сегодня — иначе.

За спиной — шёпот. Не смех. Шёпот. «Это он». «Чокнутый». «Да, набросился как псих». Я не оборачивался.

Мысль пришла сразу: а кто бы не чокнулся на моём месте?

Макс стоял у шкафчика. Разбитая губа уже напоминала простую ссадину. Пластырь он приклеил неровно и теперь поправлял его, оглядываясь. Проверял, видят ли. Увидел меня — и отвернулся. Слишком быстро. Я прошёл мимо. Лишь раз огляделся назад. В его взгляде не было злобы. В нём читался страх.

Сабрина стояла в конце коридора. Смотрела прямо. Не отводила глаз. Я хотел подойти — но звонок ударил раньше.

Урок начался с докладов. Тех самых, что задали на выходные. Я не готовился. Пытался, но те мысли… Сидел и ждал, когда назовут мою фамилию.

— Харт!

Я вышел к доске. Пустой. Учительница смотрела с жалостью. Или мне казалось.

— Тема твоего доклада, Август.

Я открыл рот. И ничего не сказал.

— Садись. — Она помедлила, будто сомневалась. — Два.

Я сел.

— Август. — Учительница не подняла глаз от журнала. — Ты выпускник. Сделай одолжение — относись к моему предмету хотя бы чуть серьёзнее.

Только теперь я заметил: на парте лежал лист. Не мой. Исписанный мелким почерком. Я не сразу понял, что это.

Доклад. Мой доклад. Написанный кем-то другим.

Я поднял глаза. Сабрина обернулась и едва заметно кивнула.

Звонок. Класс зашумел, задвигался. Я собирал вещи медленно — не хотел в коридор, в шёпот. Лист с докладом лежал на парте. Я всё ещё не понимал, чей он.

— Это ты написала? — спросил я, не оборачиваясь.

Сабрина стояла рядом. Уже с рюкзаком на плече.

— А ты как думаешь?

Я обернулся. Она смотрела спокойно. Без улыбки. Без жалости.

— Зачем?

— Потому что позавчера ты так ничего и не сказал. — Она поправила лямку. — Про учительницу. Про класс. Про то, как все смеялись. Что с тобой произошло?

— Смеялись, — повторил я. — Надо мной.

Она сказала медленно, будто подбирала слова:

— Август. Никто не смеялся.

Я замер.

— Что?

— В смысле? Ну, когда учительница задала тебе вопрос. По теме пройденной главы. — Сабрина сверлила меня непонимающим взглядом.

— Чего? Она вообще не то спрашивала. О чём ты?

— Август, ты меня пугаешь…

— Прости, ты хочешь сказать, что она не говорила про окно, и не спрашивала про отца?

— Я не понимаю, что за окно? Она спрашивала, что ты думаешь о героях прозы. — Сабрина растерялась. В её глазах было полное непонимание.

— Ладно, и что было дальше?

— Ты забыл?

— Послушай, я знаю, как это звучит и что обо мне говорят. Но пойми, тот день я вообще почти не помню.

— Допустим.

— Что было дальше?

— Ну… Ты начал отвечать какой-то бред. Я и половины слов не поняла. Будто на другом языке разговаривал.

Меня стал пробирать холод.

— Так, а потом?

— Ты обернулся. На Макса. Он сзади сидел. Просто руку поднял — выйти хотел. А ты опрокинул его парту. И набросился.

— Он ничего не говорил про отца? — спросил я.

— Ничего. Просто попросился выйти.

Холод прошёл по спине. Я уже это слышал…

— И никто не смеялся… — сказал я сам себе.

Сабрина покачала головой.

— Тебя оттащили от Макса, ты начал кричать. Стал что-то говорить про учительницу, обвинял всех нас, что мы смеёмся. Я хотела тебя успокоить, но ты просто посмотрел на меня и вышел из класса. — Сабрина смотрела на меня с жалостью. Или мне казалось.

— Август... — она замялась. — Это из-за лекарств? У тебя помутнение?

— Видимо да. Меня это пугает не меньше, чем тебя. — Я начал двигаться к выходу из класса. На полпути остановился, посмотрел на Сабрину. Она схватила лист с моим докладом и пошла следом.

— Так и не понадобился. — В её голосе читалась грусть.

— Увы. Получить двойку я успел быстрее. — Мы вышли

из класса.

— Я не знала, как подсунуть его тебе, до того, как тебя вызвали. А потом растерялась.

Я слушал её, пожал плечами знаком «бывает». А в голове прокручивал ту драку. Слова учителя. Свои слова. Как я мог говорить на другом языке? По телу бежала дрожь.

Коридор гудел. Я шёл вдоль стены, Сабрина — рядом, чуть позже. Лист с докладом она несла в руке, будто не решалась выбросить.

У шкафчиков стоял Тит. Наушники на голове, глаза в пол. Когда мы поравнялись, он приспустил наушники — медленно, будто сомневался, стоит ли.

— Август.

Я остановился.

— А что случилось с тобой позавчера? Все говорят, что ты спятил, накинулся на Макса, но мало ли что говорят. Потом пропал, сейчас как ни в чём не бывало.

Я не нашёлся, что сказать. Стоял и смотрел на него.

— Ну правда, интересно. Я пропустил всё, проснулся только, когда вы с Максом шуметь начали. — Я решил не отвечать, просто продолжил идти.

Тит не отставал и шёл рядом.

— А я утром Макса видел, говорят, ему швы наложили, прикинь. Он на операцию теперь копит, работает на заправке.

Швы? Я помню лицо Макса: разбитая губа, подбородок

в крови. Но сейчас крови совсем мало. Слишком мало для швов. Может, я запомнил хуже, чем было.

— Я не видел швов, — сказал я, не слишком громко.

— Ага, я тоже. Раздувают из мухи слона, одним словом. Так за что ты его так?

— Тит! — встряла Сабрина.

Мы остановились.

— У тебя совесть есть? Что ты пристал с допросом? Это не твое дело. Подрались, значит была причина! — Сабрина сжала мой доклад в кулаке.

— Да я просто спросил. — Тит надел наушники и пошёл дальше по коридору, оборачиваясь на нас время от времени.

— Придурок, — процедила Сабрина, глядя Титу вслед.

— Спасибо.

— А? — Она удивлённо посмотрела на меня.

— Ну, спасибо, что спасла меня, — я сам удивился, что сказал это.

— Да ладно… — Сабрина сдула с лица один выпавший от гнева локон. — Не за что. Такие, как Тит, только раздражают.

Она не сразу продолжила.

— Ты всегда у стены. Всегда молчишь. Я заметила.

Она сказала это просто, без нажима. Я не нашёлся, что ответить.

— У меня брат был такой же, — добавила она тише. — Как ты. Я думала, что если не трогать, само пройдёт.

Она замолчала. Вопрос витал в воздухе.

— Почему был? — спросил я.

Сабрина улыбнулась неловко, будто извиняясь. И спросила, будто не расслышала:

— Ты как? Голова не кружится?

Я понял, что она не хочет говорить. И не стал настаивать.

— Уже лучше.

— А раньше? — Она перевела взгляд на окно. — Что было не так?

— Бессонница. — Я не стал объяснять. — Сильная. Пил таблетки.

Больше я ничего не сказал. Она тоже не спросила. Мы прошли ещё несколько шагов.

— Слушай… — Я не знал, как спросить. Вернее, боялся ответа. — Ты тогда сказала про фотографию. Полароид.

— Сказала.

— Ты видела? Ну… что я снимал?

Сабрина остановилась и обернулась.

— Видела. В прошлом месяце. Ты стоял у скамейки во дворе школы. Вспышка тебя выдала.

Я почувствовал, как жар приливает к лицу.

— Я не… — начал я. — Это не то, что ты думаешь.

— А что это? — Она подняла взгляд. — Ты снимал меня без разрешения. А потом что? Снимок спрятал?

Я замер.

— Почему ты…

— Просто интересно. — Она пожала плечами. — Как получилась? Я имею в виду — на фото. Ты его кому-нибудь показывал?

— Нет.

— И себе не показывал?

Себе? Если она имеет в виду разглядывал ли я её фото, то…

— Показывал. — Я смотрел в пол. — Один раз. Может, два.

— И как?

Я поднял голову. Она не отводила глаз. Без насмешки. Без злости. Просто ждала.

— Ты хорошо получилась, — сказал я. — На фото. Лучше, чем в жизни. Ну, то есть… — я запнулся. — Не в том смысле. Просто там ты не улыбаешься. И лицо такое… настоящее.

— Покажи хоть камеру, мне интересно.

Я сразу полез в сумку. Нащупать полароид среди учебников было не сложно. Вспомнил: снимки чёрные. Но Сабрина смотрела с таким лицом, что я не стал говорить. Пусть посмотрит. Всё равно он не работает.

— Вот. — Я протянул руку.

— Ух ты... Это шестисотый?

— Получил на день рождения.

— А когда он у тебя?

— Десятого.

— А месяц?

— Августа.

— Забавное совпадение. Удобное. — На лице Сабрины появилась усмешка.

— Ну, в августе я тебе его и отдам. — Она подмигнула.

— Эй! Ты че...

Звонок ударил раньше, чем я закончил фразу.

— Чтоб не повадно было, снимать без разрешения, — она улыбнулась.

Она играет со мной?

— У меня сейчас биология, — сказала она, всё так же улыбаясь.

— У меня тоже.

— Да? — Она подняла бровь. — Ты же не в моей группе. У тебя химия.

— А, ты сказала биология? — Я смотрел на полароид в её руках. Как забрать? Мне же её в мастерскую.

— У твоей группы химия. Тебе в двести седьмой.

— Точно. — Я ускорил шаг, поравнялся с ней, не сводя глаз с полароида.

— Август.

— Что?

— Август. — Она остановилась. Я тоже. — Двести седьмой там. — Она указала в противоположный конец коридора.

Я развернулся на пятках и пошёл в противоположную сторону. Уверенно. Как будто знал, куда. Щёки горели, уши тоже. Не заберу же я его у неё силой.

Я шёл в двести седьмой и думал о Сабрине. И о том, как вернуть камеру.

Химия прошла спокойно. Учитель говорил про валентность, я записывал, не вникая. Никто не косился. Или я не замечал.

После урока я искал Сабрину — в коридоре, у шкафчика, в столовой. Не нашёл.

Урок истории был последним. Мистер Чень вёл его тихо, будто читал старую книгу. Я достал блокнот и решил продолжить историю детектива.

После звонка все повскакивали. Я собирал вещи, когда услышал:

— Август. Задержись на минуту.

Глава 7. Библиотека

Я задержался. Класс вытек в коридор, дверь хлопнула. В кабинете остались только мы — и стопка книг на столе. Высокая, тяжёлая, перевязанная бечёвкой.

— Помоги отнести в библиотеку, — сказал мистер Чень. — Эта ноша не для моих старых коленей.

Я кивнул. Подошёл, взял стопку. Руки потянуло вниз.

— Боюсь, и мои не крепче. Сюда бы кого-то посильнее. — Голос вышел напряжённым.

Он не ответил, лишь улыбнулся и прошёл к двери.

Мы вышли в коридор. Пустой, гулкий. Учитель шёл впереди, я сзади. Книги оттягивали руки.

— Всё рисуешь? — куда-то в пустоту задал вопрос мистер Чень.

— Вы мне?

— Тебе, — в голосе звучала улыбка.

— Да, простите. Я рисую по теме урока, так легче запоминать, — соврал я.

— Покажешь? Интересно, что получилось сегодня.

Мне стало стыдно. За то, что соврал, за свою глупость.

— У меня плохо вышло. — Я не знал, как выкрутиться.

Мистер Чень тихо засмеялся.

— Знал я одного такого же художника, — учитель посмотрел на меня. — Вы с ним похожи.

— Чем?

— Тоже витал в облаках. Всё время что-то рисовал на уроке. И рисовал недурно. Помню улицу нашу нарисовал, но на свой лад.

— Это как?

— Ну вот так. По-своему он видел всё.

Мы шли некоторое время молча.

— Хм... — Мистер Чень призадумался, остановился. Я вместе с ним.

— Ты ведь местный? Родился тут?

— На сколько я знаю, да.

— Мальчик тот, тоже Харт.

— Какой мальчик? — Я потерял суть диалога.

— Сейчас не мальчик, конечно. Тот, кого ты мне так сильно напоминаешь. — Мы продолжили идти.

— А как его зовут? — Моё сердце от чего-то застучало сильнее.

Мистер Чень призадумался, затем сказал.

— Иммануил.

Сердце успокоилось. Что ж, хоть город и маленький, но однофамильцев никто не отменял.

— Нет, подожди. — Мы снова остановились. — Не Иммануил. — Он нахмурился, будто перебирал в памяти имена.

— Мануэль, точно. Мануэль Харт.

Книги выскользнули. Не все — три или четыре. Грохнули на пол, раскрылись, страницы разлетелись.

Я стоял и смотрел на них. Не нагибался.

Мануэль. Имя отца. Я не слышал его много лет. Мама не называла его. Только «твой отец». Как будто у него не было имени.

— Простите, — сказал я. — Сейчас соберу.

Я нагнулся. Руки не слушались. Книги были тяжёлые, страницы рвались.

— Так ты его сын, — сказал мистер Чень. Он улыбался. Но глаза были серьёзные.

Я не спрашивал, как он понял. По книгам на полу. По моему лицу. Или по тому, как я встал в ступор. Он всё понял.

Мы дошли до библиотеки. Библиотекарша — пожилая, в очках на цепочке — молча приняла стопку и кивнула, будто ждала нас.

Мистер Чень развернулся.

— Спасибо, Август. Дальше я сам.

Я кивнул. Но не ушёл. В голове была куча мыслей.

— Мистер Чень. — Он остановился. — Вы что-то знаете о моём отце?

Он перевёл взгляд с меня на стеллажи, на книги за его спиной.

— Твой отец любил здесь бывать. — Голос тихий. — Проводил часы. Особенно — вот с этими. — Он кивнул на полку, где стояли старые, с потёртыми корешками тома. — История города. Он изучал их. Глубже, чем кто-либо из учеников.

Я посмотрел на полку. Обычные книги. Не понять, чем

они особенные.

— Спасибо, — сказал он. — Что помог.

И пошёл к выходу. Я стоял и смотрел, как он уходит. А потом, сам не понимая, что делаю, пошёл следом.

— Мистер Чень!

Он обернулся. В коридоре — пусто. Только мы.

— Расскажите мне о нём. Что-нибудь ещё.

Он удивился. В лице было непонимание.

— Спроси... — Он осёкся. Видимо понял. Немного помолчал.

— Что ты хочешь узнать?

— Каким он был. Почему история города. — Я запнулся. — Как хорошо вы его знали?

Мистер Чень прислонился к стене, будто встал надолго.

— Он был похож на тебя. Не лицом.

— Как именно?

— Витал в облаках. — Он чуть улыбнулся, но не насмешливо. — Рассеянный. Уставший. Вечно не выспавшийся. Но смышлёный.

Я стоял и слушал, как в ушах шумит.

— А история города?

— Он искал в ней что-то. — Мистер Чень перестал улыбаться. — Не даты. Не события. Он искал то, что не сходилось. Пропавшие дома. Улицы, которых нет на картах. Имена, которые повторяются через сто лет. — Он посмотрел на меня. — А ещё его привлекали восточные учения. О един-

стве тела и природы. О бессмертном астральном теле.

Я замер.

— Астральном?

— О том, что душа может покидать тело. — Он сказал это просто, будто речь шла о погоде. — И возвращаться. Или не возвращаться.

— Спасибо, мистер Чень, — сказал я. — За то, что рассказали.

Он кивнул. Не сказал «не за что». Не сказал «обращайся». Просто кивнул — и пошёл по коридору, не оборачиваясь. Я смотрел ему вслед, пока он не свернул за угол.

Пора домой. Я пошёл к выходу — мимо кабинетов, мимо столовой. Дождь стих, но воздух в коридоре был тяжёлый, спёртый. Я шёл и думал.

О Сабрине. Куда она делась после того разговора? Может, правда ушла домой. Может, не хотела больше со мной говорить. Может, теперь будет сторониться — как все остальные. Я вспомнил её лицо, когда она сказала «ты меня пугаешь». Не злость. Не насмешка. Что-то другое.

Потом мысли свернули на отца. Мануэль. Имя, которое я не слышал много лет. «Он искал то, что не сходилось». «Душа может покидать тело». Что это значит? Что он искал? И почему мама никогда не говорила?

И есть ли связь с её словами: «Он боялся засыпать. Говорил, что во сне не он». Она всё это время знала, но молчала?

Я остановился у выхода. Рука на двери. Обернулся. Ко-

ридор пустой. Библиотека — в конце, за поворотом. Дверь приоткрыта. Внутри горит свет.

Я не помню, как решился. Помню только, передумал идти домой. Помню, как толкнул дверь и вошёл в библиотеку.

В помещении не было ни души. Библиотекарша куда-то ушла — её стол, стоявший у входа, пустовал. Но лампа горела. В воздухе стояла книжная пыль. Я сделал несколько шагов в сторону читательского зала и остановился. Сердце ударило так, что заложило уши. За одним из читательских столов — там, где стояла полка с историей города, — сидел человек.

В длинном пальто. Он не читал. Не двигался. Смотрел в никуда. Лицо как пятно.

Я протёр глаза. Как всегда. Сейчас он исчезнет.

Не исчез.

Человек остался сидеть.

Я хотел подойти. Во сне я пытался. Но сейчас ноги не слушались. Стоял у двери, как вкопанный, и смотрел.

Человек поднялся. Медленно — будто поднимался из воды. Выпрямился. И пошёл. Сейчас я отчётливо видел перстень на его руке. Символ.

Шаг. Второй. Третий.

Я смотрел на лицо. Оно приближалось. Медленно. Но приближалось. Что-то знакомое было в нём. Я знал это лицо. Или должен был знать.

С каждым шагом лицо не становилось чётче. Наоборот —

размывалось. А разум мой туманился. Всё плыло. Холод шёл по рукам, по ногам. Колени подкашивались.

Я хотел отступить. Не мог.

— Ты чего встал как вкопанный?

Голос из-за спины.

Я обернулся. Резко. Жар ударил в лицо — после холода.

Библиотекарша. Стояла у своего стола с чашкой чая. Смотрела на меня поверх очков.

— Всё в порядке? — спросила она.

Я обернулся обратно.

Стол был пуст. Безликого не было.

— Д-д-да, всё н-нормально. — Мой голос дрожал.

Я попятился к выходу. Прижался спиной к стене. Сердце продолжало колотиться. Я пытался отдышаться.

Возьми себя в руки. Я повторял это про себя, пока не стало легче.

Я снова вошёл в библиотеку. Пошёл прямо к тому месту, где сидел безликий, сжимая руки в кулаки. Сел. Тишина. Дыхание восстановилось. Холод наконец прошёл.

Рядом, на полке, лежала стопка книг. «История Велмонта». Несколько томов.

Даже история Рима короче.

Я взял с полки первый том.

Открыл. Страницы пожелтели, корешок хрустнул.

«История Велмонта». Основание города. Первые поселенцы. Даты, имена, указы. Я листал быстро, не вчитываясь. Ис-

кал что-то. Что — сам не знал. Может, пометки на полях. Может, закладки. Может, хоть что-то, что отец оставил.

Ничего.

Страницы были чистые. Ровные строчки, сухие факты. Когда построили ратушу, сколько было жителей, какие пожары случились. Я перевернул ещё несколько страниц. Потом ещё. Пальцы чернели от пыли.

Пусто.

Я закрыл том. Отложил. Взял второй. Он был холодным. Я перевернул его. Корешок обычный, потёртый. Страницы обычные. Но тепло не уходило. Содержание было то же: основание церкви, первые школы, список улиц. Ни одной пометки. Ни одного загнутого уголка.

Я откинулся на спинку стула. Посмотрел на стопку. Пять томов. Обычная история. Скучная. Основание, даты, люди. Зачем отец проводил здесь часы? Что он искал?

Может, мистер Чень ошибся. Может, это был не тот Харт. Может, я просто устал искать то, чего нет.

Я провёл рукой по лицу. Пыль осталась на ладони.

И только тогда заметил: на форзаце второго тома, в самом углу, карандашом — едва заметно, почти стёрто — был нарисован маленький символ. Символ повторял рисунок перстня.

Я наклонился ближе. Круг, внутри две пересекающиеся линии.

Я перевернул страницу. Потом ещё. Искал ещё пометки.

Ничего. Только те же даты и имена. Я листал быстрее. Страницы были сухие, шершавые.

На третьей главе я остановился. У самого корешка, на полях, была едва заметная черта. Не буква. Скорее след от карандаша.

И тут услышал:

— Август!

Голос был мамин. Отчётливый, близкий, будто она стояла в коридоре за дверью. Я замер. В библиотеке было тихо. Только лампа гудела.

— Август, ты где?

Я встал. Книга осталась открытой на столе. Я вышел в коридор.

Коридор был пуст. Двери кабинетов закрыты. Свет из окон лежал на полу квадратами. Никого.

— Мам?

Тишина. Я прошёл до поворота. Заглянул за угол. Пусто. Только ведро с водой у стены и запах сырости.

Где-то за спиной щёлкнуло. Тихо, коротко. Я обернулся. Никого.

Я вернулся. Медленно. Уже понимая, что что-то не так.

Стол был пуст.

Книги не было. Ни второго тома, ни первого, ни остальных. Только пыль на столе — и в пыли прямоугольник, где она лежала. Я посмотрел на полку. Тома стояли на месте. Все, кроме второго. Посмотрел под стол. Ничего.

Я стоял и смотрел на пустой стол. Потом до меня дошло: голос был мамин, но мама была дома. Я это знал. Я видел её утром. Она не могла быть здесь.

— Что случилось? — раздалось за спиной.

Я повернулся. Библиотекарша стояла рядом.

— Книги, — сказал я. — «История Велмонта». Они были здесь.

Она подошла. Посмотрела на пустой стол.

— Я их не трогала, — сказала она. — Они на полке.

Она повернулась к стеллажу. Я тоже. Все на месте. Кроме второго.

На столе, в пыли, остался след. Пятерня. Будто кто-то опёрся ладонью.

Я провёл по нему пальцем. След был чёткий, свежий.

— Ты что-то ищешь? — спросила библиотекарша.

Я не ответил. Я смотрел на след и думал: голос был не мамин. И книги здесь не было.

— Нет, — сказал я. — Уже не ищу.

Она пожала плечами и сделала глоток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.